

Эугениуш Иванец

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЦЕВ НА ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ

XVII—XX вв.

STUDIA HISTORICA

Studia historica

Эугениуш Иванец

**Из истории старообрядцев на
польских землях: XVII—XX вв.**

«Языки Славянской Культуры»

1977

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Иванец Э.

Из истории старообрядцев на польских землях: XVII—XX вв. /
Э. Иванец — «Языки Славянской Культуры», 1977 — (Studia
historica)

ISBN 978-5-907117-90-7

Фундаментальный труд Эугениуша Иванца, опубликованный в Варшаве в 1977 г., посвящен описанию причин и последствий миграции старообрядцев из России на территории, в настоящее время находящиеся в составе республики Польши. Автор книги воспользовался историческими, филологическими, социологическими, культурологическими, религиоведческими и этнографическими источниками. Монография впервые издается в переводе на русский язык. Издание сопровождается дополненной библиографией, в которой отражено современное состояние знания о старообрядцах, проживающих на территории бывшей Речи Посполитой, а также содержатся ссылки на электронные публикации в польских, немецких и российских интернет-библиотеках, а также в других ресурсах, предоставляющих в открытом доступе научную литературу и периодику

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-907117-90-7

© Иванец Э., 1977
© Языки Славянской Культуры, 1977

Содержание

Предисловие переводчиков	6
Об авторе	8
Сокращения	13
Введение	14
Глава I	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эугениуш Иванец

Из истории старообрядцев на польских землях: XVII—XX вв

Перевод с польского

Елены Потехиной, Иоанны Ожеховской, Анны Токаревич

Перевод и издание монографии осуществлялись на средства Министерства науки и высшего образования Республики Польша в рамках Национальной программы развития гуманитарных наук:

грант № 21N1818010086 был получен в конкурсе Uniwersalia 2.1. в 2018 г.

Рецензент *Надежда Морозова*

Научный редактор *Елена Потехина*

© Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, 2019

© Е. Потехина, И. Ожеховская, А. Токаревич, перевод 2019

© Окружной музей в Сувалках, фотографии, 2019 © Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2019

Предисловие переводчиков

Идея перевода книги профессора Эугениуша Иванца «Из истории старообрядцев на польских землях. XVII—XX вв.» на русский язык возникла несколько лет назад в ходе бесед с ее автором, неожиданно ставших частыми и регулярными. Профессор сетовал на то, что ему так и не удалось переиздать свою первую книгу, хотя она уже давно стала библиографической редкостью и доступна далеко не во всех научных библиотеках. В течение четырех десятилетий автор готовил дополнения и уточнения, которые собирался внести в текст, однако сделать это ему было не суждено.

В марте 2017 г. мы, сотрудники Института восточнославянской филологии из Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, подали заявку на участие в конкурсе *Uniwersalia* 2.1, который проводится в последние годы в рамках Национальной программы развития гуманитаристики Министерством науки и высшего образования Польши (MNiSW RP). Поскольку целью конкурса является финансирование переводов на мировые языки наиболее значительных достижений польской гуманитарной науки с целью включения их в международный научный оборот, а также изданий переведенных текстов в крупнейших издательских центрах, мы решили, что книга нашего уважаемого старшего коллеги как раз и является таким достижением, которое следует предъявить миру на русском языке.

Конкурсная комиссия высоко оценила значение монографии Э. Иванца «Из истории старообрядцев на польских землях...» для научного наследия польской гуманитарной науки, отдав должное компетенциям переводчиков, которые в течение последних пятнадцати лет активно в едином коллективе занимаются исследованием книжной культуры, истории и быта старообрядцев, проживающих на Мазурах. Перевод и настоящее издание монографии в Издательском Доме «ЯСК» финансируется Министерством науки и высшего образования Польской Республики согласно договору № 0100/NPRN7/H21/86/2018, грант № 21N 18 0100 86.

К сожалению, профессор Иванец не дожил до публикации своего труда в России, он скончался 25 января 2019 г., поэтому в процессе подготовки перевода к изданию нам пришлось положиться на свои знания, в том числе переданные нам автором книги, и прибегнуть к помощи коллег.

В ходе подготовки к изданию в текст перевода были внесены следующие технические изменения, отличающие его от оригинала:

1) постраничные ссылки были заменены гарвардскими, т. е. в квадратных скобках указана фамилия автора или условное название документа/источника, год публикации (создания документа) и номер страницы (листа);

2) большинство комментариев, данных автором внизу страницы, было перенесено в основной текст (места их включения отмечены ломаными скобками);

3) внизу страницы в случаях, которые мы сочли необходимыми, были введены соответствующим образом обозначенные комментарии (прим, перев.), в которых дается перевод с польского и немецкого языка заглавий научных и популярных публикаций, а также учитываются отдельные пожелания автора и исследовательский опыт переводчиков;

4) вместо схематических карт-рисунков, опубликованных в оригинале книги, на которых были отмечены места расселения старообрядцев, на основе современных *карт Google* были составлены новые карты-схемы;

5) нам не удалось восстановить некоторые фотографии, сделанных профессором Иванцем, однако мы решили не заменять их собственными, а потому в данном издании отсутствуют следующие фотографии:

№ 13. Войново, помят Мронговский. Икона Богоматери Тихвинской в монастырской моленной,

№ 14. Войново, повят Мронговский. Окно в церкви с элементами старорусского зодчества (церковь Успения, кокошник-наличник),

№ 15. Войново. Иконостас монастырской моленной,

№ 16. Габовые Гронды, фрагмент убранства моленной,

№ 22. Монастырское кладбище в Войнове. Крест на могиле игуменьи монастыря матушки Антонины,

№ 25. Виды подручников, используемых старообрядцами в регионе Белостока,

№ 35. Крещение ребенка трехкратным погружением в воду;

6) библиография, сопровождающая перевод, дополнена некоторыми публикациями, вышедшими в свет после издания книги Э. Иванца, что позволило представить как развитие дальнейших научных исследований автора, так и современное состояние знания о старообрядцах, проживающих на территории бывшей Речи Посполитой; внесенные нами библиографические позиции отмечены ломаными скобками;

7) библиография дополнена ссылками на электронные публикации в польских, немецких и российских интернет-библиотеках, а также в других ресурсах, предоставляющих в открытом доступе научную литературу и периодику.

Мы сердечно благодарим за помощь, оказанную нам при подготовке текста перевода к публикации, наших коллег: доктора Кшиштофа Снарского, сотрудника Окружного музея в Сувалках, доктора Надежду Морозову из Института литовского языка в Вильнюсе, хабилитированного доктора Зою Ярошевич-Переславцев из Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, хабилитированного доктора Михала Глушковского из Университета им. Николая Коперника в Торунь, Уршулу и Томаша Людвиковских, сына профессора Иванца – Якуба, а также старообрядцев: Ирину Шурмель из Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, супругов Ирену и Вацлава Яфишовых из Сувалок.

Елена Потехина

Иоанна Ожеховска

Анна Токареевич

Об авторе

Эугениуш Иванец
(1931–2019)

Профессор Эугениуш Иванец родился 10 октября 1931 г. в Коссове Полесском, небольшом городке, который в настоящее время находится на территории Беларуси, в Ивацевичском районе, в православной семье, где бережно сохранялись традиции разных культур. Иванец не раз упоминал о том, что в Коссове рядом друг с другом жили люди трех религий: православной, католической и иудейской, и такая разнородность воспринималась всеми как нечто совершенно естественное.

После Второй мировой войны семья Иванцев, как и многие другие польские семьи, переехала в Польшу, где Эугениуш осенью 1945 г. начал учиться в Щецине профессии фотографа. Фотография интересовала будущего профессора с детства, а поскольку муж его тетки Юзеф Шиманчик был известным в Коссове фотографом, то, приезжая к тетке в гости, он рассмат-

ривал сделанные Шиманчиком фотографии жителей Полесья, изучал оборудование и технику фотографии того времени. Переехав спустя некоторое время в Лодзь, Иванец в 1946 г. поступил в единственную в то время в Польше Фотографическую гимназию. Приобретенные умения и навыки профессионального фотографа пригодились ему в будущем, при проведении полевых исследований в старообрядческих регионах Польши. Фотографии Э. Иванца представляют собой бесценные свидетельства безвозвратно ушедшего прошлого.

В 1951 г., сдав экзамены на аттестат зрелости, Иванец пытался поступить на операторский факультет Высшей школы кинематографии в Лодзи, однако не был принят. Тогда, послушав совета знакомых, он, свободно владея русским и белорусским языками, поступил на отделение русистики филологического факультета Лодзинского университета и в 1955 г. под руководством проф. Эдварда Жешовского защитил магистерскую диссертацию на тему «Литература Киевской Руси как источник изучения русско-польских отношений».

По окончании университета, раздобыв при помощи своих учителей Ю. Шиманчика и Ю. Оковитого оборудование (первые фотоаппараты *Лейка-III* и *Кодак-Ретина:*), будущий профессор совершенствовал свои умения и вел фотографический кружок в общеобразовательном лицее в Лодзи, где с 1955 по 1960 г. работал учителем русского языка и воспитателем. Со многими своими учениками Иванец поддерживал дружеские отношения всю жизнь, а один из них, Ян Шимчак, будучи деканом историко-филологического факультета Лодзинского университета, в 2001 г. вел заседание ученого совета в связи с его защитой диссертации¹.

В 1962 г. Иванцу предложили работу преподавателя русского языка на кафедре иностранных языков для нефилологических факультетов, и через год стало возможным написание докторской диссертации. Готовиться к защите диссертации Иванцу порекомендовал профессор-историк, регионовед Богдан Барановский, который полагал, что тот будет в состоянии справиться с исследованием истории российской диаспоры и православия в Лодзи. В этот период Иванец поддерживал дружеские отношения с Анджеем Феликсом Грабским, известным историком, знатоком Средневековья, и с Вальдемаром Цераном, выдающимся византологом и членом Президиума Комитета наук об античной культуре Польской академии наук. Эти ученые приняли на себя обязанности консультантов в ходе подготовки диссертации Иванца о старообрядцах, проживающих в Польше.

В ходе подготовки исследовательского материала для будущей диссертации Иванец связался с Лодзинским отделом Русского культурно-просветительского общества², где познакомился с известным общественным деятелем, поэтом Пантелеймоном Васильевичем Юрьевым. Именно Юрьев, в то время главный редактор газеты «Русский голос», отметив профессионализм, мастерство фотографа и научный потенциал Иванца, в 1962 г. предложил ему исследовательскую командировку на Сувалщину с целью подготовки фоторепортажа о местных старообрядцах. С публикации в «Русском голосе» первых фотографий старообрядцев начались систематические полевые исследования Э. Иванца в Сувалском регионе, а затем и на Мазурском поозерье. Впечатления от первой поездки были так сильны, что вектор научной работы пришлось изменить. Иванец повторял: «Я видел тот мир. Я познакомился с ним, когда все было еще живо, когда традиция определяла ритм жизни целых деревень. Мне стало казаться, что все, чем я занимался ранее, подготавливало меня к этим исследованиям».

¹ Прим. перев. — Хабилизация (*польск. habilitacja, нем. Habilitation*) — процедура соискания ученой степени хабилизированного доктора наук, высшей ученой степени в Польше и в некоторых других странах Европы.

² Прим. перев. — Русское культурно-просветительское общество (*Rosyjskie Towarzystwo Kulturalno-Oświatowe, RTKO*) — культурная организация, действовавшая официально в Польской Народной Республике (зарегистрирована в 1956 г.), представлявшая русское меньшинство в Польше. Правление общества находилось в Варшаве и в Лодзи. Общество объединяло членов региональных организаций в районах компактного проживания старообрядцев: в Водилках, Габовых Грондах и Войнове, и просуществовало до весны 1975 г., когда по решению властей было ликвидировано.

Архив ученого складывается из сотен фотографий, десятков магнитофонных лент, множества рукописных материалов, купленных и полученных в подарок старопечатных книг, переписки с выдающимися деятелями мира культуры и науки (в том числе с известными представителями европейского старообрядчества), писем деревенских информантов, многие из которых со временем стали его хорошими знакомыми и даже друзьями. До сегодняшнего дня многие сувалкские староверы с удовольствием вспоминают частые визиты Иванца. Кшиштоф Снарский, сотрудник краеведческого музея в Сувалках, а в последние годы помощник и научный секретарь профессора, передал услышанное им от собеседника шутливое замечание о том, что в свое время Иванец знал, что можно найти в каждом сарае и в большинстве кастрюль в Водилках.

Докторская диссертация на тему «Элементы восточнославянской материальной культуры старообрядцев на польских землях», написанная под руководством проф. Богдана Барановского, была блестяще защищена Иванцем в 1970 г., а в 1977 г. опубликована Государственным научным издательством в виде монографии «Из истории старообрядцев на польских землях в XVII—XX вв.». В то время это было единственное масштабное издание на польском языке, в котором описывалась материальная, духовная и общественная культура староверов, проживающих на землях прежней Речи Посполитой, в истории и современности. Содержание докторской диссертации определялось огромным количеством собранного с 1963 по 1970 г. исследовательского и фактического материала (фотографий). По мнению официальных оппонентов, этого материала хватило бы как минимум на две диссертации.

В середине 60-х гг., закончив двухлетние заочные курсы гидов для иностранных туристов, Иванец получил возможность более свободно чувствовать себя за границей, в особенности в Советском Союзе. Многочисленные поездки за границу принесли новые знакомства, прежде всего в старообрядческой среде. В течение продолжительного времени он поддерживал дружеские отношения с рижанином Иваном Никифоровичем Заволоко, выпускником Карлова университета в Праге, бывшим узником ГУЛага, собирателем старообрядческих книг и икон, а также с Михаилом Ивановичем Чувановым, председателем Московской Преображенской старообрядческой общины старопоморского согласия. Вместе с тем исследования польского ученого, представленные на многочисленных конференциях в Польше и в России, были высоко оценены специалистами по истории старообрядчества.

В 70-е гг. Э. Иванец преподавал русский язык и читал лекции по древнерусской литературе в Лодзинском университете. Организовав по просьбе студентов экспедицию в деревню Галково на Мазуры, он познакомил студентов с членами старообрядческой общины, представил им русскую культуру, церковную и светскую. Несколько раз в год он бывал в Водилках, в Войнове и других поселениях, общался с жителями, особенно часто — с Лазарем Дементьевичем Новиченко, наставником общины в Водилках. Лазарь Новиченко позволил Иванцу записать на магнитофон всю службу, и эта запись единственная, на которой сохранился голос наставника.

В 80-е гг. главной темой разысканий Э. Иванца на Мазурах стала личность Константина Голубова, автора и редактора многочисленных старообрядческих сочинений, изданных в Славянской типографии в Иоганнисбурге (ныне — Пиш). Иванцу принадлежит несомненная заслуга открытия истории этой знаменитой типографии федосеевцев за пределами России и идентификации ее изданий. Вспоминая полевые исследования на Мазурах, Иванец рассказывал: «Я знал, что там должны где-то быть издания Голубова. Когда я спрашивал о них местных жителей, они утверждали, что им ничего не известно о таких книгах. Но однажды в одном из хозяйств две пожилые сестры со слезами на глазах попросили помочь им убрать зерно. Стояла страшная жара, я сбросил с себя одежду и стал грузить на воз снопы пшеницы, а затем свозить их в амбар. После работы сестры угостили меня обедом, подали на стол горячую вареную кар-

тошку и простоквашу. Тогда я решился расспросить хозяек о иоганнисбургских книжках, и одна из сестер принесла с чердака целую охапку так долго разыскиваемых мной изданий».

В 60-е и 70-е гг. XX в. Белостокское научное общество реализовало на Сувальщине исследовательский проект под названием «Комплексная ятвяжская экспедиция». Одновременно свои исследования в области ятвяжской топониматики проводила группа профессора Кнута Олофа Фалька, основателя Лундской славистики, известного балтиста. Одной из важных составляющих исследовательского проекта был международный и межуниверситетский научный обмен, в соответствии с условиями которого польские ученые получили возможность выехать в Лунд, в Швецию. В связи с тем, что староверы живут на территориях, ранее колонизированных баллами, Э. Иванец в октябре 1980 г. побывал в Лунде по приглашению Научного общества при Лундском университете. Его научным куратором был профессор Фальк. Иванец с успехом прочел цикл открытых лекций на русском языке на тему «Поселения старообрядцев на землях ятвягов».

В 1980 г. доктор Э. Иванец по просьбе редакционного комитета «Польского биографического словаря» написал словарные статьи, содержавшие информацию об известных руководителях виленских старообрядцев сенаторе Арсении Пимонове (1863–1939)³ и депутате Борисе Пимонове (1901–1963)⁴. Он взялся за эту работу, потому что некому было написать эти статьи: уже несколько редакторов отказались от этой задачи из-за отсутствия необходимых данных. В поисках точной даты смерти и места погребения Б. Пимонова Иванец связался с сестрой Бориса Иреней Ягмин, проживавшей в Милвилле (США), сообщившей ему, к его удивлению, о том, что в Лодзи живет ее кузина Люба Пашковская, которая может дать ему необходимые сведения. Иванец нашел Пашковскую, а та, в свою очередь, попросила Иванца, чтобы он выслал свою книгу о старообрядцах ее парижскому кузену, профессору Леониду Пимонову (1908–2000)⁵.

Первая встреча Иванца с Пимоновым произошла в Варшаве в 1981 г. Старовер, ученый европейского уровня, профессор физики и общественный деятель заинтересовался исследованиями Иванца и поддавался на его уговоры посетить Мазуры и Сувальщину, чтобы встретиться с местными старообрядцами. Именно Иванец представил мазурских и августовско-сувалкских староверов Пимонову и ходатайствовал перед профессором об оказании помощи старообрядческой диаспоре, предложив, кроме того, созвать Верховный совет старообрядцев Польши.

В последующие годы Иванец активно участвовал в различных научных мероприятиях: в X Конгрессе антропологов в Загребе (1989 г.), в Конгрессе исследователей старообрядческой культуры в Екатеринбурге (1990 г.), в Конгрессе исследователей культуры и истории старообрядчества в Новосибирске (1991 г.), в Международной конференции в Чехановце (1992 г.), материалы которой были изданы в виде коллективной монографии «Старообрядцы в Европе, Азии и Америке» [Grek-Pabisowa / Maryniakowa / Morris 1994]. Каждое из выступлений Иванец иллюстрировал фотовыставкой.

По случаю празднования Тысячелетия крещения Руси университетская библиотека и Лодзинское общество книголюбов в 1988 г. организовали юбилейную выставку фоторабот профессора Иванца. Представленные на выставке фотографии составили основу последующих фотоэкспозиций, в том числе «Чужие среди своих» (1992 г.), победившей в конкурсе, организованном отделом национальных меньшинств Министерства культуры и искусства РП.

В том же 1992 г. Иванец по приглашению о. Ивана Миролюбова и Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины прочел в Старообрядческом духовном училище и в Риж-

³ Pimonow Arseniusz // Polski Słownik Biograficzny. T. 26. Z. 109. 1981. – S. 324.

⁴ Pimonow Borys // Polski Słownik Biograficzny. T. 26. Z. 109. 1981. – S. 324–326.

⁵ *Прим. перев.* – Леонид Васильевич Пимонов происходил из семьи виленских старообрядцев, учился в Вильне, в Германии и во Франции, был директором Национального центра научных исследований в Париже (1971–1979), в 1985 г. основал фонд им. Пимоновых в Сувалках.

ском отделении Общества древнерусской культуры лекции по истории и культуре старообрядцев, проживающих в Польше.

В 2001 г. на основании монографии «Дорога Константина Голубова от староверия до православия. Страницы истории русской духовности второй половины XIX в.» Э. Иванец получил научную степень хабилитированного доктора в области истории по специальности «История общественно-политической мысли». Эта книга увенчала цикл научных исследований профессора в области старообрядчества. В ней были подведены итоги многолетнего кропотливого труда в архивах и библиотеках Польши и России. Анализ творчества Голубова потребовал от него овладения знаниями в области всеобщей истории, истории церкви, этнологии, книговедения, философии, христианской догматики и др.

В 2003 г. по приглашению губернатора Пскова Евгения Михайлова Иванец в качестве почетного гостя участвовал в юбилейных торжествах, связанных с годовщиной первого упоминания названия города в «Повести временных лет». Он участвовал в открытии памятника ев. княгине Ольге, представил на телевидении результаты своих исследований, касающихся псковского периода деятельности К. Голубова, был награжден памятной медалью.

С 2000 г. Э. Иванец занимался популяризацией личности Тадеуша Костюшко в Польше и в Беларуси. Он описал Меречевщину и Коссов Полесский, родные места Костюшко, активно участвовал в мероприятиях, целью которых стало углубление исторических знаний польской и белорусской молодежи, а также опубликовал в «Белорусских исторических тетрадах» в Белостоке свои воспоминания и наблюдения. Научные работы Иванца были причислены к источникам, что подтвердило значимость позиции ученого в научном мире.

С июня 2000 г. до октября 2001 г. Иванец работал в качестве советника по вопросам национальных и религиозных меньшинств при Лодзинском воеводе Михале Касиньском и одновременно (до 2009 г.) – занимал должность экстраординарного профессора в Высшей школе международного обучения, где читал лекционные курсы: «Государство и церковь в Европе», «Религиозная идентичность Европы», «Религии в Лодзи», «Современные мировые религии и религиозные конфликты». Он работал также как присяжный переводчик русского языка, в период с 1992 по 2015 г. его фамилия числилась в списке министра юстиции.

С 2007 г. профессор Иванец официально сотрудничал с Окружным музеем в Сувалках, где проводил консультации, читал открытые лекции, помогал в обработке архивных документов. Этнографический отдел музея ведет регулярные комплексные исследования старообрядческого меньшинства, проживающего на Сувалычине. Целью исследований является создание как можно более полной архивно-документальной базы и максимальное расширение музейной коллекции, касающейся старообрядчества. Э. Иванец передал музею около полутора тысяч негативов и шесть экземпляров различных старообрядческих изданий «Славянской типографии» в Иоганнисбурге. В 2010 г. музей подготовил фотовыставку «Мир староверия», которая пользовалась огромным интересом в Сувалках, а также вывозилась в Олыштын (2011 г.) и Алитус (2012 г.).

С 2010 г. профессор Иванец с помощью сотрудников музея готовил к изданию переработанную, исправленную и дополненную версию своей книги «Из истории старообрядцев на польских землях. XVII—XX вв.», которая давно стала библиографической редкостью.

В 2018 г. профессор Иванец был удостоен премии им. князя Константина Острожского, ежегодно присваиваемой Православным фондом им. К. Острожского, за вклад в исследование духовной и материальной культуры старообрядцев.

Профессор Эугениуш Иванец скончался 25 января 2019 г. в Лодзи.

По материалам Кишиштофа Снарского и Дороты Высоцкой

Сокращения

ВВССП – Вестник Высшего старообрядческого совета в Польше

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете

CVIA – Lietuvos TSR Centrinis valstybinis istorijos archyvas Vilnius: Центральный государственный исторический архив Литвы в Вильнюсе

PSB – Polski Słownik Biograficzny

Dz. U. – Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej

Введение

Исходной целью данного исследования было представление материальной, экономической стороны социально-культурного феномена старообрядцев, проживающих на территории Польши – русских по происхождению. Однако по мере углубления исследования оказалось, что обработка материала требует тщательного ознакомления с проблемой старообрядчества в более широком историческом плане. Поэтому первоначальный предмет исследования значительно расширился: я счел совершенно необходимым составление как можно более полного и разностороннего описания этой интересной во многих отношениях этнической группы, представляющей одно из самых замечательных религиозных меньшинств нашей страны. Таким образом, настоящий труд был создан на стыке нескольких традиционных гуманитарных наук, таких как, например, широко понимаемая история, этнография, религиоведение, история древнерусской литературы и искусства, а также языкознание.

В ходе исторического анализа я поставил перед собой задачу объяснить те элементы старообрядческой культуры на польских землях, которые уходят своими корнями в далекое прошлое. Представляя историю старообрядцев, проживающих в настоящее время на территории Польши, я постарался охарактеризовать основные признаки их материальной культуры. В работе учитывается административно-территориальное деление страны, которое существовало до января 1974 г. После административной реформы, проведенной 1 июня 1975 г., все рассматриваемые нами старообрядческие поселения оказались в пределах Сувалкского воеводства⁶. Названия населенных пунктов (поселков, фольварков, поселений и деревень), упомянутых в книге, я указываю в двух вариантах: прежнем и нынешнем. При описании религиозных отношений в польском тексте я был вынужден воспользоваться терминологическим аппаратом, существующим в Польской Народной Республике. В монографии я не даю исчерпывающего объяснения общепринятого распространенного в XIX в. наименования старообрядцев – филиппоны (пилипоны, филиповяне), которое употреблялось на территории Польши по отношению ко всем старообрядцам, независимо от их принадлежности к соответствующим «согласиям» (толкам), поскольку этот вопрос будет рассматриваться в отдельной работе.

Проблемы старообрядчества широко освещены в литературе, которая стала создаваться всего лишь немногим позже, чем старообрядцы появились на территории Польши. Данная литература не всегда представляет ценность для современного исследователя. Отчетливо осознаваемая уникальность старообрядцев как этнокон-фессиональной группы вызывала интерес к ним, как к своего рода экзотическому явлению, и способствовала появлению многочисленных публикаций, содержащих очерки и записки из жизни старообрядцев, но не несущих никакой научной информации. Подавляющее большинство авторов данных публикаций обращали внимание на религиозные убеждения староверов, но в значительно меньшей степени в этих работах освещались другие вопросы, в частности материальная культура, к которой данные авторы относились как к маргинальному явлению.

Научные публикации, посвященные старообрядцам Польши, в основном написаны на трех языках: на русском, немецком или польском. До середины XIX в. русские очерки носили прежде всего полемический характер и касались в основном вопросов догматического характера. Одной из самых важных работ, созданных в это время, является комплексная работа бывшего старообрядца федосеевского согласия Андрея Иоаннова (настоящая фамилия –

⁶ *Прим. перев.* – В тексте перевода сохранено принятое Э. Иванцем административно-территориальное деление Республики Польши, которое существовало в 1975–1998 гг. Актуальное административно-территориальное деление действует с 1 января 1999 г. В настоящее время два основных центра старообрядческой колонизации находятся в двух разных воеводствах: Подляском с центром в Белостоке и в Варминско-Мазурском с центром в Ольштыне.

Журавлев; 1751–1813) «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем», впервые изданная в Санкт-Петербурге в 1794 г. и многократно переизданная (пятое издание вышло в 1855 г.). Эта книга оказалась весьма ценной для нас, поскольку она позволяет не только разобраться в общих проблемах старообрядчества, но также содержит много сведений о первых поселениях старообрядцев на территории бывшей Речи Посполитой. До появления «Истории русского раскола, известного под именем старообрядства» митрополита Макария (Булгакова) (1816–1882), которая вышла в Москве в 1855 г., она являлась самым серьезным трудом, посвященным старообрядчеству. Кроме того, труд Макария представлял собой полемический трактат и, в принципе, содержал все необходимые сведения, доступные в это время исследователям старообрядчества. После издания книги митрополита Макария в России значительно возрос интерес к старообрядчеству.

Большую ценность для исследователя представляют также работы А. П. Шапова, в частности его труд «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII», изданный в Казани в 1859 г. [Шапов 1859]. В этом труде впервые в русской литературе вопросы старообрядчества были рассмотрены с общественно-экономической точки зрения. <Следует обратить также внимание на другие публикации того же автора: «Земство и раскол» [Шапов 1862] или «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» [Шапов 1870]>

Больше всего сведений о старообрядцах, проживавших на юго-восточной территории бывшей Речи Посполитой, можно почерпнуть из книги М. И. Лилеева «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.», вышедшей в Киеве в 1895 г. [Лилеев 1895], а также из исследования Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерского) «Очерки поповщины», опубликованного в т. VII второго издания полного собрания сочинений (1909 г., Санкт-Петербург) [Мельников 1909]. Оба автора опираются на многочисленные архивные материалы и научные работы. Оба обращают внимание на значительно отличавшиеся в лучшую сторону материальные условия жизни старообрядцев, проживавших на территории бывшей Речи Посполитой, в сравнении с теми условиями, в которых находились их собратья по вере на территории России. Оба автора также подчеркивают, что местное население характеризовалось толерантным отношением к старообрядцам, что старообрядцы пользовались поддержкой местных землевладельцев. Кроме того, много интересных сведений содержится в статье И. В. Рубановского «Великоруссы – старообрядцы», включенной в сборник «Опыт описания Могилевской губернии» под ред. А. С. Дембовецкого [Рубановский 1882].

Сведения о поселениях старообрядцев на территории бывшего Инфлянтского воеводства заимствованы из значительного труда Г. В. Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия» [Есипов 1861—63: 87—103], изданного в Санкт-Петербурге, а также из двух работ П. Д. Иустинова. Первая из них, «Федосеевщина при жизни ея основателя», была опубликована по частям в журнале «Христианское чтение» в 1906 г. [Иустинов 1906], вторая – «К истории федосеевского толка» – в сентябрьском номере т. II (год XIX), а также в ноябрьском и декабрьском номерах т. III (год XIX) ежемесячника «Богословский вестник», изданных в Сергиевом Посаде (Загорске) в 1910 г. [Иустинов 1910]. Работы Иустинова представляют для нас особую ценность, так как в них собрано множество нигде до сих пор не публиковавшейся информации о предках тех старообрядцев, которые в настоящее время проживают на территории Польши. Кроме того, эти исследования сообщают о том, откуда прибыли старообрядцы на территорию бывшего Инфлянтского воеводства, какой характер имели первоначально основанные ими поселения и каково было отношение землевладельцев к старообрядцам. Много ценной информации содержат также более ранние публикации. Это два исследования В. Волкова: статья – «Сведения о раскольниках Витебской губернии» – была издана в т. I «Вестника Западной России» за 1865–1866 гг. [Волков 1865—66] и книга – «Сведения о начале, распространении и

разделении раскола и о расколе в Витебской губернии» – в 1866 г. в Витебске [Волков 1866]. Среди недавних актуальных исследований следует обратить внимание на работы О. Ганцкой [Ганцкая 1952; 1955] и Антонины Завариной [1955; 1969] – участниц комплексной балтийской этнографическо-антропологической экспедиции, проведенной в 1952 г. Институтом этнографии АН СССР. В кандидатской диссертации «Семья и семейный быт русского старожильского населения Латгалии во 2-й половине XIX – начале XX века», защита которой состоялась в 1955 г. в Институте этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая в Москве (диссертация не была опубликована), А. Заварина представила семейные отношения и некоторые элементы материальной культуры старообрядцев, провела также много интересных параллелей в отношении их предыдущего места жительства, на Новгородско-Псковской земле.

Российские исследователи второй половины XIX в. уделяли большое внимание старообрядцам, проживавшим на территории Мазурского поозерья, и, в частности, писали о деятельности Войновского монастыря. Автором большинства исследований был профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин. Его труды печатались в таких журналах, как «Современная летопись», «Русский вестник», «Душеполезное чтение», «Братское слово» и «Московские ведомости». Сведения, которые даются в работах Субботина, основаны в большинстве своем на непосредственных воспоминаниях настоятеля монастыря архимандрита Павла (Леднева, прозванного Прусским) и его учеников, которые после 1866 г. покинули Пруссию и вернулись в Россию. Труды Н. И. Субботина [1866; 1867; 1868; 1869 и др.] предоставляют возможность восстановить богатую историю этого монастыря, о котором в большинстве немецких работ, посвященных старообрядцам, вообще не упоминается.

Единственное уникальное описание (1862 г.) жизни войновских монахов содержит «Исповедь» пребывавшего в Войнове В. И. Кельсиева, напечатанная в т. 41–42 «Литературного наследства», изданного в Москве в 1941 г. [Кельсиев 1941].

Изучением старообрядчества на Мазурах занимался также Ю. И. Кузнецов – сотрудник Императорского Русского географического общества. Конец 1871 и начало 1872 г. он провел среди колонистов и свои наблюдения, а также полученные непосредственно от них сведения изложил в пространной статье «О старообрядцах в Пруссии», опубликованной в 13-м номере ежегодника вильнюсских «Литовских епархиальных ведомостей» от 1872 г. [Кузнецов 1872]. Значительную часть труда автор посвятил общественно-экономическим отношениям и материальной культуре старообрядцев.

Интересные сведения о старообрядцах на Мазурах в межвоенный период находятся в работе А. Ляковского «Русские колонии в Германии», опубликованной в сборнике «Статьи и материалы. Из чтений в кружке любителей русской старины», изданном в 1932 г. в Берлине [Ляковский 1932].

С целью всестороннего изучения истории мужского старообрядческого монастыря на Мазурах мы воспользовались ценным трудом И. Г. Рындзюнского «Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма», опубликованным в т. I сборника «Вопросы истории, религии и атеизма» за 1950 г. [Рындзюнский 1950; Ryndziunski 1954] Опираясь на архивные данные 1844–1848 гг., автор описал московскую среду старообрядцев, в которой идея создания монастыря в Войнове не только зародилась, но и была реализована, поскольку ее члены финансировали все предприятие.

Много сведений по истории Виленской старообрядческой общины мы получили в ходе изучения очерка И. И. Киселева «Столетие Виленской старообрядческой общины», изданного в 1930 г. в Вильнюсе [Киселев 1930]. В своем труде автор показал рост значения данной общины и объяснил, каким образом община сумела объединить почти всех старообрядцев, поселившихся в Польше.

Весьма ценный материал представляют очерки, опубликованные на немецком языке. Первые работы появились в ежемесячнике «Neue Berlinische Monatsschrift». Немецкие иссле-

дователи первыми стали заниматься изучением старообрядцев, проживавших на Сувальско-Сейненских землях, сразу после того, как эти земли были присоединены к Пруссии (в 1795 г.). Авторами очерков были фон Кноблех (von Knobloch), Ф. Э. фон Рохов [Rochow 1799], Якштейн (фон Штейн), а также выдающийся историк А. Л. Шлецер [Schl  zer 1802], который использовал в своей статье ряд фрагментов из известной работы А. Иоаннова.

Интерес к старообрядцам, основавшим колонию на Мазурском поозерье, начался сразу же, как только переселенцы появились в Пруссии. Уже в 1833 г. в июньском номере 9-го тома популярного ежемесячника «PreuBische Provinzial-Blatter» появилась первая статья Готфрида Шульца из Иоганнисбурга (Пиша) «Einiges iiber die Philipponen und deren Ansiedelung in der Nicolaicer und Crutinner Forst»⁷ [Schulz 1833]. Автор положительно охарактеризовал старообрядцев и поделился своими впечатлениями от пребывания в только что основанной колонии.

Следует с благодарностью упомянуть Мартина Герсса (Martin GerB, Gerss, Giersz; 1808–1895), пастора из Миколаек, известного мазурского деятеля культуры, издателя, учителя. Он был непосредственным свидетелем обустройства старообрядцев на Мазурах, членом государственной комиссии, исследовавшей жизнь в старообрядческих деревнях. Герсс научился языку, на котором говорили старообрядцы, а также прекрасно справлялся с текстами на церковнославянском языке. <Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить практически безошибочную запись гражданским алфавитом двух церковнославянских текстов, приведенных им в статье «Mitteilungen iiber die Philipponen im Kreise Sensburg»⁸ [Gerss 1849: 61–62]> Результатом многолетних исследований стали четыре рукописи с заметками (за 1836, 1839, 1848 и 1849 гг.). Одна из рукописей, за 1839 г., подготовленная Герссом к печати, содержала 38 глав объемом XVI + 425 страниц с добавлением 5 гравюр [Tetzner 1912: 398, комм.]. К сожалению, этот труд, озаглавленный «Die Philipponen, oder Darstellung der Entstehung ihrer Sekte, ihrer Einwanderung nach PreuBen, ihrer Kolonien, ihrer Lehre, ihrer kirchlichen Zeremonien, ihrer Sitten und Gebrauche, ihrer Lebensart»⁹, никогда не издавался полностью <название работы я привожу вслед за В. Якубовским [Jakubowski 1961: 87]> Текст рукописи содержал огромное количество частных деталей, Герсс многократно его редактировал, перерабатывал и дополнял, по этой причине ему не удалось найти издателя, а на публикацию сокращенного варианта книги он не согласился. В конце концов он передал свои заметки ученому из Лейпцига проф. д-ру Францу Тецнеру, который поначалу использовал их в двух своих публикациях: в статье «Die Philipponen in Ostpreussen»¹⁰, опубликованной в т. 78 журнала «Globus» за 1899 г., издаваемого в К  нигсберге [Tetzner 1899], и в разделе «Die Philipponen» монографии «Die Slawen in Deutschland»¹¹, изданной в 1902 г. в Брауншвейге [Tetzner 1902]. <А. Брюкнер опубликовал две рецензии на эту книгу Тецнера [Br  ckner 1902: 616–620; 1904: 104–106]> В своих работах Тецнер дополнил сведения Тереса своими собственными наблюдениями, сделанными в 1897 г. во время посещения старообрядческой колонии на Мазурах. Кроме этого, он издал в разных немецких журналах отдельные главы из рукописей Тереса, иногда сопровождая публикацию краткими комментариями [Gerss 1909]. Полное оглавление с перечислением всех разделов рукописи Тереса Тецнер представил общественности только в 1910 г. в т. 47 ежемесячника «Altpreussische Monatsschrift», издаваемого в К  нигсберге. Фрагменты своих исследований Герсс публиковал и сам в местных журналах, в том числе в том, который он сам издавал [Gerss 1845; 1849; 1850; Giersz 1895]. Все они свидетельствуют о надежности и солидности

⁷ Прим. перев. – «Кое-что о филиппонах и их поселениях в Николайковских и Крутынских лесах»

⁸ Прим. перев. – «Сообщения о филиппонах в округе Зенсбург» (польск. Mragowo, русск. Мронгово).

⁹ Прим. перев. – «Филиппоны, или Описание возникновения их секты, их переселения в Пруссию, их колоний, их учения, их церковных церемоний, их нравов и обычаев, их образа жизни».

¹⁰ Прим. перев. – «Филиппоны в Восточной Пруссии».

¹¹ Прим. перев. – «Славяне в Германии».

исследований, проведенных мазурским ученым, однако многогранность и сложность проблем старообрядчества не всегда были ему до конца понятны.

Значительное научное исследование под заглавием «Die Philipponen in Kreise Sensburg», явившееся своего рода дополнением труда Тереса, опубликовал пастор из Мронгова Эмиль Титиус, в IX, X и XI томах издаваемого в 1864–1866 гг. в Кёнигсберге журнала «Der neuen Preussischen Provinzial-Blätter. Dritte Folge» [Titius 1864–1866]. В этом труде содержится много ценных исторических фактов. Автор в своей работе основывался, в частности, на служебных отчетах и архивных материалах, а кроме того, привел ряд статистических данных. Однако, в отличие от опубликованных разделов труда Тереса, в глаза бросается недоброжелательное, неприязненное отношение автора к старообрядцам, проживавшим на Мазурах.

Изучением мазурских старообрядцев занимались также другие немецкие авторы, например Август Амбрассат [Ambrassat 1912], Раймунд Ф. Кайндль [1897], Фриц Сковронек [Skowronnek 1916; 1926: 416–428], Карл Темплин [Templin 1926a, b], Макс Теппен [1870: 449–552; 1926: 267–170], Альберт Цвек [Zweck 1900].

До XIX в. в польской литературе не было научных работ, посвященных исключительно проблемам старообрядчества. Одним из первых заинтересовавшихся этими вопросами был священник Францишек Сярчинский [Siarczyński 1828]. В его сохранившейся рукописи, находящейся в настоящее время в [библиотеке] Оссолинеум во Вроцлаве, в разделе X «Rzecz o Filiponach» содержится описание обычаев и верований старообрядцев, проживавших в Австрийской Польше на территории Буковины. Автор в своей работе опубликовал множество ценных этнографических материалов, в особенности подчеркнув любовь старообрядцев к баням. Учитывая тот факт, что старообрядцы, проживавшие в Кёнигсберге и на Мазурах, поддерживали активные контакты с приверженцами старой веры на территории Буковины, работа Сярчинского приобретает большую познавательную и информационную ценность.

Чуть позже, т. е. в 1857 г., появляются ценные очерки Бенедикта Тыкеля под заглавием «Kilka uwag historyczno-statystycznych o gubernii Augustowskiej»¹² [Tykiel 1857]. Один из очерков, «O tak zwanych Filiponach w gubernii Augustowskiej zamieszkałych»¹³, содержит довольно много статистических данных, а также сведений, касающихся обычаев описываемой нами этнической группы. Этот очерк тем более ценен, что его автор, будучи гражданским августовским губернатором с резиденцией в Сувалках, имел возможность не только ежедневно общаться со старообрядцами, проживавшими на Сувалкско-Сейненских землях, но также доступ к всевозможным печатным источникам и ресурсам.

Наиболее известным польским исследованием XIX в., дополняющим и углубляющим материалы, собранные Тыкелем, является, несомненно, анонимное исследование «Wiadomość o Filiponach»¹⁴, размещенное в 1861 г. в ежегоднике «Rocznik Ces. król. Towarzystwa Naukowego Krakowskiego» [Mecherzyński 1861]. Его автором, по словам Людвиг Финкеля, является профессор Ягеллонского университета Кароль Мехежиньский. Автор исследования довольно подробно представляет внутреннюю ситуацию в старообрядческой общине, а также описывает взаимоотношения между отдельными духовными наставниками в первые годы после поселения старообрядцев на Сувалкско-Сейненской земле. К. Мехежиньский показывает также, как стабилизировалась ситуация старообрядцев на этой территории и каково было их отношение к властям. Ценность этой работы повышает тот факт, что она в значительной степени опирается на архивные материалы. Недостатком труда являются не всегда правильные выводы автора, который, как мне кажется, не проводил исследований среди старообрядцев и поэтому не всегда ориентировался в особенностях их повседневной жизни.

¹² Прим. перев. – «Несколько историко-статистических замечаний об Августовской губернии».

¹³ Прим. перев. – «О так называемых филиппонах, проживающих в Августовской губернии».

¹⁴ Прим. перев. – «Известия о филиппонах».

Кроме упомянутых выше трудов, в XIX в. больше не было серьезных польских исследований, посвященных вопросам старообрядчества. Только в 1910 г. в Варшаве был издан исторический очерк священника Кароля Дембиньского «*Raskoń i sekty prawosławnej Cerkwi rosyjskiej*» [Dębiński 1910]. Автор в своем труде опирался на многие известные русские исследования, воспользовался также данными, опубликованными в русском «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», который он неумело пытался переводить. Несмотря на некоторые недостоверные сведения, это была первая работа на польском языке, представлявшая собой общий исторический очерк проблематики, который содержал много данных о жизни старообрядцев как в России, так и в Польше. Тем не менее работа эта тенденциозна и представляет факты с позиции римско-католического священнослужителя.

В межвоенный период практически не публиковались работы, посвященные проблемам старообрядчества. Виктор Пиотрович из Вильны уделил старообрядцам несколько больше внимания [Piotrowicz 1927; 1928]: в 1927–1928 гг. он выступал в радиопрограммах с рядом статей и докладов, а в 1929 г. написал о старообрядческой общине в работе «*Z zagadnień wyznaniowych w Polsce*»¹⁵ [Piotrowicz 1929]. В 1930 г. он опять вернулся к этой теме в статье «*Wyznania religijne w województwie wileńskim*»¹⁶ [Piotrowicz 1930]. В обеих работах обращалось особое внимание на правовое положение старообрядцев в независимой Польше, а также на деятельность их центра в Вильне.

Сведения о жизни старообрядцев на Мазурах на польском языке впервые были представлены священником Альфонсом Маньковским в очерке о путешествиях под заглавием «*Znad jezior mazurskich*»¹⁷, изданном в 1912 г. [Mańkowski 1912]. Интересными представляются также замечания Енджея Гертыха в книге «*Za różnym kordonem*»¹⁸, изданной в 1933 г. в Варшаве [Giertych 1933]. Будучи консульским служащим, автор много путешествовал, в том числе посещал старообрядческие поселения. Свои наблюдения он описал в главе «*Śród Filiponów nad Krutynią*»¹⁹, посвященной особенностям их быта в тот период. Автор подчеркнул особенную приверженность старообрядцев к родному языку и культуре.

Следует также упомянуть известную книгу Мельхиора Ваньковича «*Na tropach Smętka*»²⁰, изданную в 1936 г. в Варшаве [Wańkowicz 1936]. Побывав в 1935 г. на Вармии и Мазурах, автор посетил старообрядцев, проживавших в деревне Войново в Мронговском повете, что нашло свой отклик в десятистраничной главе «О филиппонах», посвященной исключительно старообрядцам. Как данная глава, так и вся книга носят публицистический характер, а представленное автором описание русского поселения на Мазурах не было принято большинством старообрядцев.

Немного внимания старообрядцам в межвоенной Польше уделил также священник Стефан Грелевский в книге «*Wyznania protestanckie i sekty religijne w Polsce współczesnej*»²¹, изданной в 1937 г. Научным обществом Люблинского университета [Grelewski 1937].

Интерес к старообрядцам стал расти с начала существования Польской Народной Республики. Уже в 1954 г. профессор Анатолий Мирович, зав. кафедрой русской филологии Варшавского университета, стал инициатором исследований говора старообрядцев, проживающих на территории Польши. В 1955–1958 гг. проводились многочисленные полевые исследования. Работу профессора А. Мировича продолжила его ученица, Ирида Грек-Пабис (Грек-Пабис-

¹⁵ Прим. перев. — «О проблемах религии в Польше».

¹⁶ Прим. перев. — «Религиозные конфессии в Виленском воеводстве».

¹⁷ Прим. перев. — «С Мазурских озер».

¹⁸ Прим. перев. — «За северной границей».

¹⁹ Прим. перев. — «Среди филиппонов на Крутыне».

²⁰ Прим. перев. — «На тропах Сментка».

²¹ Прим. перев. — «Протестантские конфессии и религиозные секты в современной Польше».

сова). Своей задачей она поставила создание комплексного историко-этнографического исследования старообрядцев в Польской

Народной Республике, а особое внимание уделила языковым вопросам [Grek-Pabisowa 1958a; 1958b]. В четвертом номере журнала «*Slavia Orientalis*» за 1959 г. исследовательница опубликовала статью «*Niektóre wiadomości o starowierach zamieszkałych na terenie Polski*»²² [Grek-Pabisowa 1959]. Статья содержала много ценного материала, однако автор не в полной мере использовала литературу, посвященную проблемам старообрядчества. И. Грек-Пабисова в течение многих лет проводила исследования говора старообрядцев, проживающих в Польше. В 1968 г. Комитет славяноведения Польской академии наук издал ее кандидатскую диссертацию под заглавием «*Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim*» [Grek-Pabisowa 1968]. В этой работе на основании данных, полученных в ходе изучения говоров, автор точно определила языковую «прародину» старообрядцев, проживающих в настоящее время в Польше, а также обратила внимание на ряд заимствований из польского и немецкого языков. Лингвистические выводы И. Грек-Пабисовой полностью совпадают с результатами проведенных мною историко-этнографических исследований.

Интерес к старообрядцам проявила также студентка социологического факультета Варшавского университета Мария Лили Швенгруб, которая посвятила им свою магистерскую работу. Фрагмент данной работы под заглавием «*Filiponi*» был опубликован в 1958 г. в № 2 (3) журнала «*Euhemer. Przegląd religioznawczy*» [Szwengrub 1958]. В распечатанном фрагменте магистерской работы автор опиралась на два немецких очерка, а также на интервью, проведенные с представителями старшего поколения старообрядцев и местных жителей Восточной Пруссии – Мазуров.

Особую ценность для проводимых мною исследований представляли две статьи, которые были опубликованы в 1961 г. Первая статья – это работа Эмили Сукертовой-Бедравины «*Filiponi na ziemi mazurskiej*», которая появилась в J4h 1 (71) ежеквартального журнала «*Komunikaty Warmińsko-Mazurskie*», издававшегося в Олыштыне [Sukertowa-Biedrawina 1961]. Опираясь на документы Государственного архива в Олыштыне, а также на богатую литературу (принимая во внимание исключительно немецкие источники), автор собрала очень много интересных сведений о жизни старообрядцев. Автором второго исследования, статьи «*Z historii kolonij staroobrzędowców rosyjskich na Mazurach*», опубликованного в журнале «*Slavia Orientalis*» (т. 10, № 1), является профессор-русист Виктор Якубовский [Jakubowski 1961]. Кроме немецких источников, в работе использовались и некоторые работы русских авторов.

В своей работе я привожу также неоценимые результаты исследований Ежи Вишневого, связанных с первыми поселениями старообрядцев на Сувалкско-Сейненских землях и содержащихся в пространном труде «*Dzieje osadnictwa w powiecie sejneńskim od XV do XIX wieku*», который был опубликован в составе коллективной монографии «*Materiały do dziejów ziemi sejneńskiej*», изданной в 1963 г. Белостокским научным обществом под ред. Ежи Антоновича [Wiśniewski 1963].

Наконец, существенное влияние на рост интереса к старообрядцам в Польской Народной Республике оказала издаваемая в 1957–1965 гг. сначала в Варшаве, а потом в Лодзи на русском языке газета «Русский голос» («*Russkij Gołos*») – орган правления Русского культурно-просветительского общества. Правление этого общества проводило активную деятельность в среде старообрядцев, часто публикуя на страницах издания репортажи из старообрядческих поселений (как на русском, так и на польском языке), а также большое количество статей по истории старообрядчества.

Использованные мною источники, изданные на русском языке, можно разделить на три группы. К первой группе следует отнести те, которые были изданы в России в XIX в. К ним

²² Прим. перев. – «Некоторые данные о староверах, проживающих на территории Польши».

относятся наиболее важные указы, распоряжения, поручения как царских, так и церковных властей, имеющие непосредственное отношение к старообрядчеству с самого начала этого движения. Некоторые из них публиковались также Вольной русской типографией в Лондоне.

Вторая группа источников появилась благодаря ученым, «миссионерам» и любителям старины, таким как Е. В. Барсов, М. И. Лилеев, Н. И. Попов или Н. И. Субботин, которые эти источники собрали, опубликовали и прокомментировали. Речь идет о постановлениях соборов официальной Русской православной церкви 1654–1667 гг., о разных прошениях и распоряжениях, а также о многочисленных сочинениях, написанных самими выдающимися руководителями старообрядческого движения. Эти документы содержат множество данных о старообрядческих поселениях на территории Речи Посполитой.

К третьей группе источников следует отнести издания старообрядческой типографии в Иоганнисбурге (Пише) на Мазурах, а также публиковавшиеся старообрядцами с 1905 г. постановления многочисленных съездов, различные постановления и дискуссии, календари и журналы, выходившие в Вильнюсе, Риге, Каунасе и других городах.

Совершенно особую группу источников, использованных мною лишь частично, составляют работы советских ученых: Н. К. Гудзия, А. Н. Робинсона и др. Много ценных материалов в последнее время было собрано выдающимся знатоком старообрядчества доктором наук В. И. Малышевым, сотрудником Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) в Ленинграде. Кроме того, я использовал некоторые источники, связанные со старообрядцами, проживающими в США. Это распоряжения съездов (дискуссии и воспоминания), в которых старообрядцы часто ссылались на старые обычаи, бытовавшие на территории Польши.

Рукописные источники по истории старообрядцев и их материальной культуре разбросаны по разным архивным собраниям и библиотекам, они находятся также в распоряжении частных лиц. К тому же на территориях, где расположены старообрядческие поселения, многократно происходили изменения политического и административного деления, что осложняло поиск необходимых документов. В конце концов мне удалось обнаружить материалы в Центральном архиве древних актов в Варшаве, в Библиотеке Чарторыйских в Кракове, в Национальном архиве Кракова и в Воеводском государственном архиве в Ольштыне. Я воспользовался также собраниями Повятового государственного архива в Сувалках, в котором с 1826 г. хранятся старательно заполненные метрические книги старообрядцев, проживающих на Сувалско-Сейненских землях. С целью пополнения материалов я заказал такие документы из Центрального немецкого архива в Мерзебурге (ГДР) [Acta DZA], которые почти не использовались авторами немецких, русских или польских работ. Кроме того, я получил возможность воспользоваться некоторыми автографами и рукописными копиями, находящимися в некоторых частных собраниях староверов. В коллекции И. Н. Заволоко из Риги (ЛССР) я познакомился со списком «Жития Аввакума» (редакция В) из общего сборника, написанного рукой Аввакума и Епифания. Сборник был обнаружен только в 1966 г. в Москве. «Об этом автографе можно прочитать в статье Н. Демковой «Уникальный автограф жития Аввакума», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» [Демкова 1969], или в заметке Л. Михайлова в Старообрядческом церковном календаре на 1969 г. [Михайлов 1969].» Заволоко также предоставил мне для работы рукописный «Сборник соборных решений Выгорецкого общечестивства», в котором находятся автографы всех выдающихся представителей настоящей общины 1703–1837 гг. Я также довольно широко использовал рукопись «Хронографа, сиречь Летописца Курляндско-Литовского» 1652–1834 гг., переписанную рукой Даниила Михайлова из Даугавпилса (Латвия).

Мною были использованы письма, наброски, рисунки и многочисленные записи, касающиеся, в основном, материальной культуры и полученные от старообрядцев в ходе традиционной переписки. Наибольшее количество материалов (около 100 документов) мне предоставил известный старообрядческий деятель Егор Крассовский из Галкова в Мронговском повяте на

Мазурах, который с самого начала моих исследований, с 1963 г., постоянно присылал мне в письмах ответы на задаваемые мной вопросы. Перед тем как отправить письмо, он часто консультировался со своими старшими односельчанами-старообрядцами. Крассовский был одним из немногочисленных старообрядцев в Польше, который осознавал необходимость написания моей работы и таким образом стремился внести свой вклад в создание этой книги. Стоит еще упомянуть активную переписку, которую я вел с православным священником Александром Макалем, настоятелем прихода бывших старообрядцев-единоверцев в Войнове, а также с председателем Русского культурно-просветительского общества в Войнове Анастасией Макаровской, которая в межвоенный период в течение некоторого времени была послушницей в женском старообрядческом монастыре. Из Августовского повята я получал материалы от известного в Августове общественного деятеля Петра Леонова. Отдельные сообщения в своих письмах присылали также и другие старообрядцы, проживавшие в разных населенных пунктах на территории Польши и СССР.

Поскольку данное исследование основано в большой степени на собственном опыте, источниками исследования следует считать также сохранившиеся до сих пор элементы материальной культуры: старинные дома, бани, сельскохозяйственные орудия труда и предметы домашнего обихода. Кроме того, я использовал некоторые материалы по иконографии, касающиеся в основном предметов религиозного культа.

С 1963 до конца 1968 г. я по 4–5 раз в год посещал старообрядческие деревни и поселки в упомянутых регионах. В ежедневном общении с жителями я стремился познакомиться с сохранными ими традициями. Женщины постарше хорошо помнили традиционные способы приготовления блюд или изготовления одежды, что нашло отражение в данной работе. Ряд сведений о строительстве я получил от мужчин, которые также сообщали мне о традициях, связанных с предметами религиозного культа. Гораздо хуже обстояло дело с историческими данными, поскольку большинство старообрядцев не знали в достаточной степени истории своих предков. Сведения, полученные от старообрядцев, были довольно противоречивыми. Несколько лучше ориентируются в истории старообрядцы, проживающие в Мазурском регионе, однако источником сообщенных ими сведений являются не традиционные предания, а – в преобладающей степени – работы немецких авторов, причем лишь тех, которые высказываются о старообрядцах положительно. При этом им совершенно неизвестны русские или польские исследования (в том числе послевоенные), без которых нельзя представить себе полную историю старообрядческих поселений на Мазурах.

Таким образом, на основании перечисленных выше источников мною был написан очерк истории развития поселений и культуры старообрядцев в Польше.

* * *

Первая версия данного труда, озаглавленная «Elementy wschodniosłowiańskiej kultury materialnej u staroobrzędowców na ziemiach polskich»²³, была представлена на семинаре на кафедре истории Польши XVI–XVIII вв. Лодзинского университета в виде кандидатской диссертации, написанной под руководством профессора д-ра Богдана Барановского, который своими советами, рекомендациями и доброжелательной помощью поддерживал меня на каждом этапе работы.

Я искренне благодарю всех, кто способствовал созданию данной книги, неоднократно предоставляя свою помощь и советы, а именно проф. В. Барановского, проф. Т. Держикрай-Рогальского, проф. А. Ф. Грабского, проф. В. Кускова, проф. Е. Вишневого, д-ра В. Церана и д-ра И. Грек-Пабис. Я хочу также поблагодарить старообрядцев: Е. Крассовского, П.

²³ Прим. перев. – «Элементы восточнославянской материальной культуры у старообрядцев на польских землях».

Леонова, Г. Врубеля, М. Чуванова, И. Заволоко, а также священников А. Макаля и А. Шеломова.

Глава I

Раскол в Русской православной церкви и зарождение старообрядческого движения

История старообрядцев как отдельной общественно-религиозной группы восходит к началу первой половины XVII в., когда произошел раскол в Русской православной церкви. Непосредственной причиной разделения внутри церкви (т. н. раскола) стал конфликт, возникший в результате исправления богослужебных книг и проведения реформы некоторых церковных обрядов. Раскол произошел в довольно сложной общественно-экономической ситуации, в которой оказалось в то время Московское государство, поэтому конфликт внутри церкви преобразовался в широкое антифеодальное движение религиозно-общественного характера, охватившее все слои общества, которые были недовольны укреплением власти нового дворянства.

После подавления вооруженного восстания Ивана Болотникова в начале XVII в. положение народных масс постоянно ухудшалось. В 1649 г. специальное «Уложение» [Любавский 1907: 79–86; Новосельский / Сперанский 1955: 224–249; Czerska 1970] окончательно санкционировало существование крепостного права. Ухудшилось также материальное положение посада, который в связи с развитием городов в XVII в. становился сильнее и важнее других социальных групп. Кроме того, «посадские люди», страдавшие от беспощадных притеснений со стороны воевод, были вынуждены бороться со своими конкурентами – зарубежными купцами, которых царь Алексей Михайлович (1645–1676) стал наделять значительными привилегиями. С посадом были связаны войска стрельцов и отчасти крестьянство. В итоге страну охватила волна бунтов и крестьянских возмущений, которые в 1667–1671 гг. преобразовались в новое мощное восстание под предводительством Степана Разина [Смирнов 1958; Новосельский/Чаев 1955: 277–312; Wójcik 1952: 457–466].

Кажется вполне очевидным, что Русская православная церковь со своей феодальной структурой была вынуждена занимать враждебную позицию в отношении всех проявлений недовольства, общественных движений и восстаний. Однако эта проблема кажется простой только на первый взгляд. В XVII в. Русскую православную церковь тоже раздирали внутренние противоречия. Почти % церковных земельных участков, на которых проживало 440 тысяч крепостных крестьян, принадлежало высшему духовенству

[Никольский 1930: 91]. Избранный в июле 1652 г. новый патриарх Никон (1652–1658) в течение непродолжительного времени увеличил число своих подданных с 10 до 25 000 тысяч; каждый день патриарх получал прибыль в размере 20 тысяч рублей, что в целом составляло 7 300 000 рублей в год. В распоряжении каждого находящегося на службе епископа имелось приблизительно 10 тысяч подданных, и зачастую их богатство превышало состояние многих воевод. Даже с самых бедных церквей Никон и его епископы получали не менее одного рубля в год [Рушинский 1871: 133–135; Карташов 1959: 140–141].

Зато материальное положение низшего духовенства, в частности деревенских попов, почти не отличалось от ситуации крестьян, а также простых «посадских» людей. Основой содержания этих священнослужителей были чаще всего небольшие земельные участки. Низшему духовенству запрещалось торговать и заниматься ремеслом. С момента вступления на престол патриарха Никона положение низшего духовенства значительно ухудшилось из-за доноительства, шпионства со стороны верхнего духовенства и из-за введения полицейского надзора, который охватывал как деревенское, так и городское духовенство. Ни одни, ни другие не получили поддержки со стороны светской власти. Низшее духовенство страдало от самоуправства бояр, а также подвергалось различным репрессиям вплоть до изгнания из церков-

ного прихода, что крайне редко вызывало протесты со стороны высшей церковной иерархии. Поэтому именно низшее духовенство выступало против феодальной иерархии, и как раз в этой среде зарождалось больше всего оппозиционных идеологов [Шапов 1859: 390–415; Рущинский 1871: 152; Соловьев 1961/6: 208–210; Jakubowski 1972: 143–146].

Уже в конце 40-х гг. XVII в. в Москве среди просвещенного духовенства образовался т. и. Кружок ревнителей благочестия. Собранный в этом кружке незначительная, но очень активная группа людей, т. и. братьев, ставила своей целью прежде всего унификацию религиозных обрядов, которые на протяжении веков претерпели значительные изменения, и упорядочение множества других церковных дел [Каптерев 1887: 114–117; Кусков 1966: 253]. К этому кругу принадлежали как будущие реформаторы, так и противники реформ. В большинстве своем это были наиболее образованные в то время провинциальные священники (в особенности протопопы), такие как Аввакум из Юрьева-Повольского (1620–1682), Даниил из Костромы, Лазарь из Романова, Логгин Муромский, также Иван Неронов, который был переведен в Москву из Нижнего Новгорода, и многие другие. К кружку принадлежал и архимандрит Новоспасского монастыря Никон, который в 1648 г. был рукоположен новгородским митрополитом. Пока все эти священники вместе дружно решали вопрос церковного пения, ничто не предвещало наступивших вскоре серьезных разногласий [Каптерев 1887: 107–115, 133–134, 155–156; Чаев 1955: 314–315; Jakubowski 1972: 15–17].

Инициатором церковных реформ был сам царь Алексей Михайлович. Он желал, чтобы реформированная церковь содействовала централизации Русского государства. Поэтому настоящими руководителями «братии» стали надежный друг царя Федор Ртищев [Каптерев 1887: 18–19, 97–98, 106–107, 139; Рущинский 1871: 194] и царский исповедник Стефан Вонифатьев [Каптерев 1887: 102–107, 142–143; Бороздин 1900: 14–17; Сахаров 1839]. Задача церковной реформы состояла также в том, чтобы объединить Русскую православную церковь с православной церковью на Левобережной Украине, которая до недавнего времени подчинялась непосредственно патриарху Константинополя. Алексей Михайлович, согласно официальной идеологии, считал себя наследником византийских императоров. Под влиянием греческих религиозных руководителей придворные круги провозгласили, что именно на Алексея Романова возлагается историческая миссия освобождения Константинополя от турок. После присоединения в 1654 г. Левобережной Украины к Московскому государству эта концепция стала частью официальной царской государственной политики. Для достижения поставленной цели Алексей Михайлович решил прежде всего, даже ценой некоторых уступок, устранить различия, существующие между Русской православной церковью и православными восточными церквями [Каптерев 1885: 26–33, 348–381; Гудзий 1966: 479]. Решение о проведении реформ совпало со смертью патриарха Иосифа (1642–1652), главы Русской православной церкви. На его место «братия» выдвинула кандидатуру Вонифатьева, который решительно отказался от принятия назначения и выдвинул своего кандидата – митрополита Никона [Каптерев 1909–1912: 107; Заволоко 1937/6: 106; Jakubowski 1972: 258; см. также легенду о Никоне: Gerss 1909: 59–60, комм.]. Новый патриарх был очень энергичным и честолюбивым человеком, кроме того, он был сторонником церковной реформы, хотя и понимал ее совершенно иначе, чем царские приближенные. Никон стремился к тому, чтобы, опираясь на авторитет восточных патриархов, освободиться от царской опеки и вернуть церкви утраченные в сложившейся ситуации привилегии [Гудзий 1966: 479; Зызыкин 1931].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.